

УДК 343.35

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОРРУПЦИИ В
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ****Букарева Людмила Алексеевна,**

магистрант

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

электронная почта: lganshinacom9@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается коррупция в правоохранительных органах как исторически устойчивое, но меняющееся по формам социально-правовое явление. Показано, что корыстные злоупотребления властью в России формировались не только как результат личной недобросовестности должностных лиц, но и как следствие особенностей государственного управления: слабого контроля, соединения административных и судебных полномочий, зависимости служащих от неформальных источников содержания, а позднее - закрытости бюрократической системы. Делается вывод о том, что противодействие коррупции не может ограничиваться ужесточением наказаний: необходимы прозрачность процедур, независимый контроль, профессиональная этика и реальное укрепление доверия граждан к институтам правопорядка.

Ключевые слова: коррупция; правоохранительные органы; взяточничество; мздоимство; лихоимство; государственная служба; антикоррупционная политика; историческая ретроспектива.

**RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CORRUPTION IN LAW ENFORCEMENT
BODIES: HISTORY AND MODERNITY****Bukareva Lyudmila Alekseevna,**

master's student

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "S.A. Yesenin Ryazan State University"

email: lganshinacom9@gmail.com

ABSTRACT

The article examines corruption in law enforcement bodies as a historically stable but changing socio-legal phenomenon. It is shown that corrupt abuse of power in Russia was formed not only as a result of the personal dishonesty of officials, but also as a consequence of the peculiarities of public administration: weak control, the combination of administrative and judicial powers, the dependence of officials on informal sources of income, and later, the closed nature of the bureaucratic system. The article concludes that the fight against corruption cannot be limited

to increasing penalties; it requires transparency in procedures, independent control, professional ethics, and a real strengthening of citizens' trust in law enforcement institutions.

Keywords: corruption; law enforcement agencies; bribery; extortion; public service; anti-corruption.

Коррупция в правоохранительных органах относится к числу наиболее опасных форм должностной деформации, поскольку затрагивает те структуры, которые по своей природе должны охранять закон, пресекать преступления и защищать права граждан. Если коррупция возникает в обычной административной сфере, она нарушает порядок управления; если же она проникает в органы правопорядка, то под сомнение ставится сама способность государства быть арбитром между законом и произволом. В этом заключается особая острота темы: коррумпированный представитель правоохранительной системы не просто получает незаконную выгоду, а превращает властное полномочие в предмет торга.

При этом ретроспективный анализ требует осторожности. В Древней Руси, Московском государстве или Российской империи не существовало правоохранительных органов в современном смысле этого слова. Судебные, административные, фискальные и полицейские функции долгое время были соединены в руках наместников, воевод, приказных служащих, городничих, полицейских чиновников. Поэтому, говоря о коррупции в правоохранительной сфере применительно к ранним эпохам, правильнее иметь в виду не институциональное сходство, а функциональную преемственность: речь идет о злоупотреблениях тех лиц, которые обладали правом судить, задерживать, взыскивать, расследовать, принуждать и распоряжаться судьбой человека.

Сам термин «коррупция» происходит от латинского *corruptio* - «порча», «подкуп», «разложение». В современном российском праве коррупция понимается шире, чем обычная взятка: Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» связывает ее с злоупотреблением служебным положением, дачей и получением взятки, коммерческим подкупом и иным незаконным использованием должностного положения вопреки законным интересам общества и государства. Этот же закон определяет правовые и организационные основы предупреждения коррупции, борьбы с ней и минимизации ее последствий.

Исторически коррупция появляется там, где возникает власть, распределяющая ресурсы, доступ к правосудию или защиту. Уже древние правовые и религиозные тексты осуждали подкуп судей и чиновников, потому что подкуп разрушал саму идею справедливого решения [1, с.91]. Для России эта общая закономерность проявилась в особой форме: долгое время государственная служба не была четко отделена от личного дохода служащего.

Одним из ранних источников коррупционных практик на Руси стала система «кормлений». Наместники и волостели, выполнявшие административные и судебные функции, содержались за счет населения. Формально такая система не обязательно воспринималась современниками как преступная: она была встроена в порядок управления и регулировалась обычаями. Но именно здесь возникала опасная граница между законным содержанием должностного лица и вымогательством. Чем менее определенными были размеры «корма», тем легче власть превращалась в личный промысел. В этом смысле коррупция зарождалась не только как нарушение закона, но и как результат несовершенства самой административной конструкции.

В русских источниках встречаются понятия «посул», «мздоимство» и «лихоимство». «Посул» первоначально мог означать обещание, плату или дар, но в судебном контексте

постепенно приобрел значение взятки. Двинская уставная грамота 1397 г., Новгородская и Псковская судные грамоты фиксировали недопустимость подобных практик, прежде всего в суде. Для истории правоохранительной сферы это принципиально важно: уже в средневековых правовых памятниках подкуп судьи или должностного лица осознавался как угроза правосудию, а не просто как бытовая нечестность [2, с.66].

Первое последовательное законодательное ограничение взяточничества связывают с укреплением Московского государства. Судебник 1497 г. Ивана III запретил «посулы» и установил размеры судебных пошлин. Судебник 1550 г. Ивана IV усилил ответственность за неправый суд и должностные злоупотребления. Позднее Соборное уложение 1649 г. развило систему наказаний за преступления должностных лиц, особенно за неправосудные решения, вынесенные из корысти, дружбы или вражды. Характерно, что законодатель видел опасность не только в самой взятке, но и в искажении судебной процедуры: волоките, подлоге, изменении записей, незаконном выносе дела из приказа [3, с.149].

Московский бунт 1648 г., известный как Соляной бунт, также показывает, что коррупция воспринималась населением не отвлеченно, а как часть повседневного насилия власти. Ненависть горожан вызывали не только налоги, но и злоупотребления приказных людей, вымогательство, произвол судей и администраторов. Для темы правоохранительных органов этот эпизод важен тем, что народное недовольство было направлено против тех, кто должен был обеспечивать порядок, но сам становился источником несправедливости.

Петровская эпоха стала попыткой перейти от личного, полутрадиционного управления к регулярной бюрократической системе. Петр I стремился поставить чиновника на жалование, создать контрольные органы, ввести фискалов, прокуратуру, усилить ответственность за взятки и казнокрадство. В 1714 г. был издан указ о воспрещении взяток и посулов, в 1722 г. учреждена прокуратура как надзорный институт. Однако опыт Петра показал ограниченность чисто карательного подхода. Суровые наказания, публичные процессы и конфискации не устранили коррупцию, потому что чиновничий аппарат оставался громоздким, контроль - выборочным, а материальное обеспечение служащих - нестабильным. Даже ближайшие к трону лица, включая А. Д. Меншикова, неоднократно обвинялись в злоупотреблениях [4, с.147].

В XVIII-XIX вв. коррупция постепенно меняла форму. Если раньше она часто выглядела как подношение или «кормление», то в имперской бюрократии она все чаще приобретала вид устойчивой служебной практики: ускорение дела, благоприятное решение, покровительство, освобождение от ответственности. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. различало мздоимство и лихоимство: первое связывалось с получением подарка без нарушения служебных обязанностей, второе - с действием или бездействием вопреки долгу службы. Это различие показывает, что российское право уже тогда пыталось отделить «благодарность» от преступного использования власти, хотя на практике такая граница часто оставалась размытой.

Особую роль в XIX в. играли полицейские и судебные чиновники на местах. Именно они чаще всего вступали в непосредственный контакт с населением, оформляли документы, контролировали порядок, участвовали в расследованиях, передавали дела в суд. Для гражданина низшего сословия встреча с властью нередко означала встречу не с законом, а с конкретным лицом, от которого зависели скорость, исход и цена решения. Русская литература - от Гоголя до Салтыкова-Щедрина и Островского - сохранила не юридическую статистику, а социальную атмосферу этого явления: чиновник воспринимался как посредник между человеком и государством, но посредник, склонный брать плату за сам доступ к справедливости.

После 1917 г. советская власть объявила борьбу с взяточничеством одной из задач нового государства. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О взяточничестве» от 8

мая 1918 г. предусматривал ответственность не только взятополучателей, но и взятодателей, посредников и пособников. Позднее антикоррупционные нормы были закреплены в уголовном законодательстве. Однако советская система столкнулась с противоречием: публично коррупция объявлялась «пережитком прошлого», но закрытость управления, партийная зависимость кадров, дефицит товаров и услуг создавали условия для неформального обмена благами. В такой среде коррупция могла выражаться не только в деньгах, но и в доступе к жилью, должностям, распределителям, санаториям, служебным возможностям [5, с.207].

Правоохранительная система советского периода также не была свободна от подобных процессов. В разные годы предпринимались кампании против взяточничества, хищений, злоупотребления служебным положением. Но сама модель управления, основанная на ведомственной закрытости и приоритете политической лояльности, затрудняла внешний контроль. В условиях, когда информация о нарушениях ограничивалась, а статистика могла подчиняться идеологическим задачам, коррупция становилась латентной. Ее существование подтверждалось не столько официальным признанием, сколько периодическими громкими делами, внутренними проверками и позднейшими исследованиями.

Перестройка и 1990-е гг. резко изменили экономическую и политическую среду. Переход к рынку, приватизация, слабость новых институтов, неустойчивость законодательства и резкое социальное расслоение создали благоприятную почву для коррупции в органах власти и правоохранительной системе. На этом этапе коррупция стала не только бытовой, но и институциональной: правоохранительные полномочия могли использоваться для давления на бизнес, защиты криминальных групп, вмешательства в имущественные споры, получения доли от незаконной деятельности. Именно тогда в общественном языке закрепились выражения, связанные с «крышеванием», продажей уголовных дел, заказными проверками, покровительством со стороны силовых структур.

Современная коррупция в правоохранительных органах отличается от исторического мздоимства прежде всего сложностью. Она может выражаться в получении взятки за непривлечение к ответственности, передаче служебной информации, фальсификации материалов, незаконном прекращении проверки, давлении на участников процесса, покровительстве теневому бизнесу, участии в схемах государственных закупок. При этом наиболее опасна не единичная взятка, а устойчивый коррупционный обмен, когда незаконная выгода становится частью служебной повседневности.

Нельзя, однако, объяснять современную коррупцию только «исторической привычкой». Такое объяснение слишком удобно и потому недостаточно научно. История действительно показывает устойчивость неформальных практик, но каждый период создает собственные причины коррупции. Для современной правоохранительной сферы важны перегруженность системы, ведомственная замкнутость, зависимость карьерного продвижения от показателей, слабость общественного контроля, соблазн использования уголовно-процессуального ресурса в экономических конфликтах. Там, где полномочие велико, а контроль непрозрачен, коррупционный риск всегда повышается.

Российское законодательство последних десятилетий выстроило достаточно широкую антикоррупционную рамку: декларирование доходов, ограничения для государственных служащих, конфликт интересов, запреты на отдельные виды поведения, ответственность за взяточничество, посредничество и злоупотребление полномочиями. Международный контекст также важен: Конвенция ООН против коррупции была принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. и стала базовым международным документом, закрепившим значение профилактики, уголовного преследования, международного сотрудничества и возвращения активов.

Коррупция в правоохранительных органах разрушительна не только из-за материального ущерба. Ее главный вред - в подрыве доверия. Гражданин может смириться с ошибкой должностного лица, но гораздо тяжелее воспринимает ситуацию, когда закон применяется избирательно. Если человек убежден, что решение зависит не от доказательств, а от денег, связей или служебного интереса, он перестает видеть в правоохранительной системе защиту. В результате растет правовой цинизм: граждане начинают считать неформальный путь более эффективным, чем законный. Так возникает замкнутый круг: коррупция снижает доверие к закону, а недоверие к закону делает коррупцию социально терпимой.

Исторический опыт России показывает, что власть чаще всего отвечала на коррупцию усилением наказаний. Так поступали Иван IV, Петр I, имперские законодатели, советская власть. Но повторяемость самой проблемы говорит о том, что наказание необходимо, но недостаточно. Суровая санкция действует только тогда, когда есть неотвратимость ответственности, независимость проверки и невозможность «договориться» внутри самой системы. Если же контроль зависит от тех же корпоративных связей, которые порождают злоупотребления, репрессия превращается в кампанию, а не в устойчивую политику.

Для современной правоохранительной сферы особенно важны четыре направления. Первое - реальная прозрачность процедур: понятные сроки, цифровой след решений, доступность информации для заявителя, невозможность бесконтрольного изменения материалов. Второе - защита добросовестных сотрудников и заявителей о коррупции, поскольку внутри закрытой системы без свидетельств изнутри многие нарушения остаются невидимыми. Третье - снижение зависимости служебной оценки от формальных показателей, которые могут стимулировать фальсификацию или давление. Четвертое - профессиональная этика, которая должна быть не набором лозунгов, а практической нормой служебной среды.

Авторская позиция в данном вопросе состоит в следующем: коррупцию в правоохранительных органах нельзя рассматривать только как преступление отдельного человека. Конечно, личная ответственность необходима, но исторически коррупция укреплялась там, где должность давала широкую власть при слабом контроле, где служащий воспринимал полномочие как источник личного дохода, а гражданин - как вынужденный предмет переговоров. Поэтому борьба с коррупцией должна быть направлена не только против взяточполучателя, но и против условий, при которых взятка становится рациональной стратегией поведения.

Ретроспектива позволяет увидеть главное: формы коррупции менялись, но ее социальная природа оставалась близкой. Средневековый «посул», имперское мздоимство, советский доступ к дефициту и современная взятка за процессуальное решение различаются юридически, но все они основаны на приватизации публичной власти. Для правоохранительных органов это особенно опасно, потому что здесь приватизируется не услуга, а само право государства применять принуждение.

Следовательно, исторический опыт должен использоваться не для оправдания современной коррупции ссылками на «вечную российскую традицию», а для более корректного понимания ее устойчивости. Коррупция не исчезает от одного указа, показательного процесса или очередной кампании. Она отступает там, где должностное лицо понимает неизбежность проверки, гражданин имеет законный способ защиты, а профессиональное сообщество не покрывает нарушителя. Только при соединении правовых, организационных и нравственных механизмов правоохранительная система может выполнять свою основную функцию - быть защитой закона, а не рынком властных возможностей.

Список литературы:

1. Нисневич Ю. А. Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 91-97.
2. Ульянова Ю. С. Коррупция в России: история и современность // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. 2016. № 3-4 (55). С. 66-74.
3. Романенко С. А. Коррупция в органах государственной власти: история и современность // *Молодой ученый*. 2018. № 38 (224). С. 149-151.
4. Лизина О. М. Ретроспективный анализ коррупционной деятельности в России // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2013. С.147-153
5. Гембик В. Я. Коррупция в России: ретроспективный анализ, влияние на моральные, правовые, психологические устои общества // *Молодой ученый*. 2020. № 46 (336). С. 207-209.

References:

1. Nisnevich Yu. A. Corruption in Historical Retrospect with Clarifications and Additions // *Social Sciences and Modernity*. 2015. No. 3. pp. 91-97.
2. Ulyanova Yu. S. Corruption in Russia: History and Modernity // *Current Issues in Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History*. 2016. No. 3-4 (55). pp. 66-74.
3. Romanenko S. A. Corruption in Government Bodies: History and Modernity // *Young Scientist*. 2018. No. 38 (224). pp. 149-151.
4. Lizina O. M. Retrospective Analysis of Corrupt Activity in Russia // *Economic and Social-Humanitarian Research*. 2013. Pp. 147-153
5. Gembik V. Ya. Corruption in Russia: a retrospective analysis, impact on the moral, legal, and psychological foundations of society // *Young scientist*. 2020. No. 46 (336). Pp. 207-209.